ГИПОСТАЗИРОВАНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА О «МИСТИЧЕСКОЙ СОПРИЧАСТНОСТИ»

HYPOSTATIZATION AS A MANIFESTATION OF “MYSTICAL PARTICIPATION”

УДК 304.5

Дюгаева Ирина Дмитриевна, студентка 4 курса бакалавриата, направление «Педагогическое образование», Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Dugaeva I. D. dex.lolita@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы перцепции и апперцепции с точки зрения теории «мистической сопричастности». Дается определение гипостазирования, выводится его фундаментальная связь с «мистической сопричастностью». Производится исторический анализ различных подходов рассматриваемых явлений, а также делается вывод о филогенетическом характере механизма гипостазирования, его религиозной обусловленности и его значимой функциональности в психологической адаптации к действительности.

Annotation

This article considers the problems of perception and apperception in the context of the theory of “mystical participation”. It also defines hypostatization and its fundamental connection with the “mystical participation”. It is possible to find in the article the historical analysis of various concepts about the phenomena under consideration and the conclusion about the phylogenetic nature of the

hypostatization, its religious character and its significant functionality it psychological adaptation to the reality.

Ключевые слова: гипостазирование, мистическая сопричастность, коллективное бессознательное, антропология, культурология.

Key words: hypostatization, mystical participation, collective unconscious, anthropology, culturology.

Как заметил этнограф Б. Малиновский, «не существует народов, на каких бы стадиях развития они не находились, без магии и религии» [4, с. 360]. Любая культура базируется на иррациональной почве, сопряжена с человеческим чувством, заложенным в базальных психических процессах. Речь идет о вере, том краеугольном элементе, который «оживляет» любой предмет, заставляет рассматривать его как ноумен, нечто одушевленное, хотя и недоступное повседневному восприятию. Вера составляет чувственный фундамент культуры, религии и науки. Но говоря психологически, речь идет о гипостазировании.

В советской философской энциклопедии (1960 г.) гипостазирование (от греч. ὑπόστασις – «сущность», «субстанция») определяется как «превращение в процессе познания отдельных свойств, сторон, отношений предметов в самостоятельную сущность».

Другое определение гипостазирования – «логическая (семантическая) ошибка, заключающаяся в опредмечивании абстрактных сущностей, в приписывании им реального, предметного существования».

Необходимо оговориться, что во втором определении подразумевается материалистическое понимание абстрактных величин, их овеществление, подходящее скорее к понятию «реификации», тогда как мы рассматриваем первый вид гипостазирования – в качестве психического акта рефлексии, когда «в познании вид действительно становится предметом и по отношению к виду возможны суждения той же самой логической формы, как и по отношению к единичным предметам» [7, с. 48].

Отечественный философ Л. А. Микешина выявляет разницу между гипостазированием и реификацией: «Гипостазирование – это утверждение о реальном существовании того, что зафиксировано в понятии, реификация – это утверждение о его предметной (вещественной) форме» [7, с. 47]. Данный подход обнажает трудность в применении понятия «гипостазирование», поэтому рассмотрим различные подходы к его определению.

Проблема гипостазирования неизбежно связана со средневековым спором об универсалиях – конфликтом номинализма и реализма. С точки зрения номинализма гипостазирование – словесная химера, умышленная подмена реальности понятиями, тогда как с точки зрения реализма гипостазирование – объективное описание действительности и ее отношений при помощи терминов и понятий.

К. Юнг, разбирая причину гипостазирования, отмечал, что проблема кроется в психологической расположенности индивида объяснять все идеалистически или реалистически. «Ближайшую причину тому следует искать в общей психологической предрасположенности реализма вообще, а именно в том факте, что есть на свете определенный класс людей, которые ставят ценностный акцент на идее; в таком случае на долю идеи приходится более высокая реальная, т.е. жизненная ценность, нежели на долю действительности отдельных вещей» [9, с. 47]. То есть К. Юнг решает проблему номинализма и реализма лаконично и компромиссно, устанавливая, что эти две точки зрения не более как проявления двух полярных типов мышления: «с одной стороны, абстрактная точка зрения (*номинализм*), где главная, решающая ценность заложена в самом мыслительном процессе, с другой (*реализм)* – мышление и чувство, ориентированные чувственным объектом» [9, с. 43].

И. Кант следовал тому же пути, доказывая, что «чистая идея» как плод гипостазирования есть психологическая величина, проистекающая из субъективных представлений индивида, т.е. гипостазирование естественно для любого индивида. «Кант считает гипостазирование одним из

необходимых (допустимых) приемов при выявлении природы “высшей реальности”, которая “составляет основание возможности всех вещей”. Он стремится объяснить, что наш разум, нуждаясь в абстрактных всеобщих понятиях и идеях, вынужден их гипостазировать. Гипостазирование – это лишь своеобразный прием, используемый разумом, который положил понятие всей реальности в основу полного определения вещей, “вовсе не требуя, чтобы вся эта реальность была дана объективно и сама составляла вещь”. Это не просто ошибка разума, но сознательное создание общего, абстрактного понятия, о котором заведомо известно, что оно не имеет и не может иметь чувственного референта» [9, с. 47]. Иначе говоря, в представлении Канта гипостазирование есть обязательное «формальное условие мышления».

Философ С. Г. Карза-Мурза считает гипостазирование ошибкой когнитивного процесса, «деформацией мышления», указывая, что оно используется как один из механизмов манипуляции сознанием: «Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям – худший враг логического мышления» [3, с. 148]. Он рассматривает процесс гипостазирования как сознательно используемый метод изменения мышления, манипуляции над сознанием с социальной точки зрения, тогда как для нас в первую очередь важна психологическая. Добавим, что он скорее имеет ввиду реификацию, позволяющую сконструировать социальную реальность, основываясь на неподтвержденных гипотезах и теориях.

В условиях современности некоторые ученые связывают механизм гипостазирования с сенсорной депривацией, производной от информационного бума, т.е. индивид, не имеющий возможности проверить ту или иную информацию СМИ, воспринимает ее некритически как достоверную. Как следствие, современный человек склонен доверять всевозможным теориям, «запираться» в них, выстраивая из них собственную, гипостазированную реальность [6, с. 26]. Однако подобный подход

редуцирует гипостазирование до простого следствия изменения психики в модернизированных условиях и рассматривает его как нечто, присущее только нынешнему мышлению как продукт современности, который невозможно приписать мышлению более ранних ступеней развития. Мы утверждаем, что гипостазирование как психологическая единица присуща любому как индивидуальному, так и коллективному сознанию независимо от этапа развития.

Рассмотрев изложенные подходы, мы пришли к выводу, что процесс гипостазирования связан со вторичным восприятием, апперцепцией объектов окружающего мира, которая развивалась на протяжении всей эволюции человеческого сознания. В этом контексте наибольший интерес представляет теория «мистической сопричастности» (*participation mystique*) Л. Леви-Брюля.

«Мистическая сопричастность» – это особого рода представление о мире, основанное на ощущении тесной, синкретической связи с явлениями реальности и всей окружающей средой в ее целокупности, присущее пралогическому мышлению. По нашему мнению, механизм гипостазирования происходит из чувства «мистической сопричастности», глубоко укорененного в коллективном бессознательном ощущения тождества с другими людьми и приобщенности к природному миру.

«Мистическая сопричастность» – это предшествующий этап религиозного ощущения, нуминозности, представлении о существовании высшего принципа бытия, идеального сознания или бога. Л. Леви-Брюль отмечает: «Поскольку мистическая сопричастность, действенная сопричастность с объектом религиозного чувства и ритуальных актов — сама сущность религии, первобытное мышление должно быть названо религиозным, ибо сопричастность подобного рода здесь осуществляется, и притом даже в наивысшей, какую только можно вообразить, степени» [5, с. 220].

Проводя параллели между цивилизованным мышлением и пралогическим (или мистическим), Л. Леви-Брюль описывает мистическое понимание сакрализованных чисел, которые воздействуют на общественную жизнь. Уместно объяснение мистического значения священного числа «три» тем обстоятельством, что оно унаследовано со времен, когда «человеческие общества в счислении не шли дальше трех», и «три» обозначало некоторую законченность [5, с. 101]. Л. Леви-Брюль добавляет, что у первобытных племен самые разные числа овеяны благоговением и почтительностью. Тем более, что в религии мистическим характером овеяно не только число «три», но и многие другие (1, 4, 12, 13, 40, 666 и т.д.), и в зависимости от вероучения эти числа разнятся, что будто бы говорит об их глубокой укорененности в историческом процессе, усвоенности пролегоменами мирового развития.

Леви-Брюль также сравнивает «инструменты» для улавливания явлений, слишком тонких для непосредственного восприятия, первобытных и цивилизованных людей. У первобытных – это различные формы гадания, истолковывающие неведомые, мистические явления (то есть любые явления в представлениях первобытного мышления), а у цивилизованных – физика с ее объяснением реальности [5, с. 141]. Целесообразно упомянуть СМИ, – как модернизированный инструмент – к данным которых индивид неизбежно и повседневно обращается для поддержания *сопричастности* с социумом. Более того, в обществах современного типа гадание, если и не имеет прежнего значения, то все еще жизнедеятельно. Однако в пралогическом мышлении гадание – не только способ предсказания будущего, но и предварения будущего события, вызов его наискорейшего исполнения: «Всякое необычайное явление рассматривается как знамение и одновременно как причина неприятного происшествия, долженствующего случиться. Однако неприятное происшествие с тем же основанием может рассматриваться как причина необычного явления» [5, с. 140]. В пралогичеком мышлении следствие и причина находятся в более тесной связи, и гипостазирование предметов происходит более стихийно, без

наслоений критицизма, свойственного современникам новейшей эпохи. «Гадание служит, таким образом, продолжением восприятия. Точнее говоря, оно — антиципация, предварение восприятия. Пралогическое мышление доверяет ему, по крайней мере, в той же степени, что и самому восприятию» [5, с. 143]. В психологическом аспекте К. Юнг определил, что гадание связано с проспективной, предвосхищающей функцией всех содержаний и констелляций бессознательного.

Стоит отметить, что К. Юнг также склоняется к мысли о праисторическом характере различных культурных традиций, дифференцировавшихся в ходе эволюции общественного сознания: «Даже в наших формах вежливости все еще можно отыскать следы «религиозного» видения возможных психических опасностей. Мы пытаемся умилостивить судьбу, магически желая друг другу доброго дня. Левую руку нехорошо держать в кармане или за спиной, когда правой пожимаешь руку другого. Если вы хотите умилостивить особенно сильно, вы пользуетесь обеими руками. Перед людьми, наделенными большим авторитетом, мы преклоняем непокрытую голову, т.е. предлагаем им свою голову без защиты, чтобы умилостивить сильного, который может вдруг легко перейти к неконтролируемому насилию…» [8, с. 95].

К. Юнг утверждает, что «власть иллюзии» – преобладание гипостазирования в процессе мышления – есть не что иное, как первобытная магическая власть слова, которая в скрытой форме заключена и в понятии [9, с. 51]. При этом он указывает, что цивилизованное мышление усвоило в качестве формы «мистической сопричастности» такую особенность как конкретизм – доминирование ощущения в качестве одной из ведущих функций психики. «Конкретизм ведет к преобладающему в психике значению фактов и тем самым к подавлению индивидуальности и ее свободы в пользу объективного процесса» [9, с. 495], вызывает «суеверное переоценивание голых фактов», свойственное первобытному человеку и потому имеющее архаический характер.

Некоторые антропологи (Б. Малиновский, К. Леви-Стросс, Э. Кассирер) критиковали принцип «мистической сопричастности», указывая, что мифологическое/пралогическое/мистическое мышление «не лишено рационального содержания» [4, с. 393]. Однако Л. Леви-Брюль уточняет, что пралогическе мышление не лишено рационального элемента, оно просто не опирается на основополагающие законы логики и принципы человека новой эпохи. При поверхностном взгляде может показаться, что пралогическое мышление не может иметь ничего общего с цивилизованным мышлением, на что можно возразить: «Высшие типы мышления происходят от низшего типа. Они должны еще воспроизводить в более или менее уловимой форме часть черт низшего мышления» [5, с. 217].

Тем не менее, ни один антрополог не может отрицать, что рациональный человек все еще подвержен тенденции рассматривать явления в мистическом ключе, сталкиваясь с неразрешимыми антиномиями бытия. Э. Кассирер признавал: «Исчезновение магии — крайне медленный процесс. Если взглянуть хотя бы на развитие нашей европейской цивилизации, мы увидим, что даже на весьма продвинутых стадиях, на стадиях высокоразвитой и утонченной интеллектуальной культуры вера в магию не была всерьез расшатана. Даже религия в известной степени допускает такую веру» [2, с. 559]. Как минимум анатомически человеческий вид не может быть лишен ощущения, экстерорецептеров, первичной перцепции, поэтому конкретизм мышления в той или иной мере проявляется у любого индивида: из психики невозможно исключить чувство и ощущение, оставив только интеллект.

Таким образом, мы возвращаемся к основополагающему принципу: Nihil est in intellectu quod prius non fuerit in sensu («Нет ничего в мышлении, чего прежде не было бы в ощущении»). Это подкрепляет гипотезу о том, что гипостазирование проистекает из чувства «мистической сопричастности», эволюционировало из пралогического мышления и проявляется в цивилизованном мышлении в качестве конкретизма – смешении мышления и

чувства с ощущением, связано с перцепцией и апперцепцией воспринимаемого внешнего мира.

Иными словами, чувство мистической сопричастности выступает в качестве инграммы (говоря психоаналитическим термином) – «осадка» коллективного бессознательного опыта; «окаменелости» или седиментированного опыта (говоря социологическим термином Гуссерля), закрепленного в подсознании путем многовековой интериоризации. Седиментированность или закрепленность гипостазирования как подсознательного механизма в психике легитимируется определенной языковой репрезентацией, семиотической системой или иначе определенным набором шаблонных слов (например, *«фатум», «злой рок»* и т.д.).

Ключевая разница в функционировании гипостазирования у первобытного человека и цивилизованного состоит в том, что пралогическое мышление «объято» гипостазированием, последнее служит краеугольным условием мыслительной деятельности первобытного человека. У цивилизованного человека гипостазирование является скорее рудиментарным придатком, унаследованным от предков, и носит более индивидуализированный характер, поэтому сам закон «мистической сопричастности» более не актуален и не жизнеспособен. О нем возможно говорить при наличии органической солидарности, в современном антураже свойственной лишь узкой социальной группе и представляющей: единую идеологическую систему и единое мировоззрение; традиции и ценности, разделяемые всей группой; деятельность, которая выполняется всем обществом по негласной договоренности. Упразднение «мистической сопричастности» начинается с угасанием чувства органической солидарности, с постепенным усложнением и дроблением общества. «По мере того как индивидуальное сознание каждого члена группы утверждается, чувство мистического симбиоза между социальной группой и окружающими группами существ и предметов становится менее интимным, непосредственным и постоянным» [5, с. 219]. .При дальнейшей

институализации, сегментации общественных смыслов, усложнении социальной иерархии и появлении подуниверсумов – новых альтернативных идеологических систем – чувство общей партиципации, сопричастности ликвидируется, а процесс гипостазирования окрашивается индивидуалистическим оттенком, где каждый гипостазирует только личностно значимые явления и феномены, свободно и добровольно отгораживаясь от общезначимых. П. Бергер замечает: «С установлением смысловых подуниверсумов возникает масса перспектив видения общества в целом, рассматривающих общество под углом зрения собственного подуниверсума. Хиропрактик смотрит на общество под углом зрения иным, чем у профессора медицины, поэт — иначе, чем бизнесмен, иудаист — иначе, чем иноверец, и т. д.» [1, с. 58].

Там, где господствует единая вера, где царит авторитетный культ предков, единых для всей общины, индивидуальное еще не отделяется от коллективного сознания, не противопоставляет себя ему, а отождествляет себя с ним в чувстве общей партиципации, «мистической сопричастности». Лишь гораздо позже, когда человек начинает ясно сознавать себя как личность и выделять себя из группы, внешние существа и предметы тоже начинают казаться личному сознанию наделенными индивидуальными душами или духами в продолжение жизни и после смерти.

Возвращаясь к рассмотренным подходам относительно гипостазирования, мы приходим к двум важным заключениям:

1. Гипостазирование не может служить само по себе методом манипуляции сознания, поскольку оно является априорным механизмом работы психики. Манипулирование сознания возможно при спекуляции над этим механизмом путем внушения существования нематериальных виртуальных объектов (что подробно рассматривает С. Г. Карзы-Мурзы);
2. Гипостазирование может быть рассмотрено в качестве ошибки мышления в том случае, если объективно явленный мир

заменяется виртуальной, условной действительностью, субъект диссоциируется по отношению к реальности, «отрывается» от нее, что может вести к расщеплению личности. Данный процесс более близок к описанию понятием реификации.

Исходя из всего вышесказанного, гипостазирование как психологический феномен близко по своей функции фантазии в ее юнговском понимании, в то же время это отголосок пралогического понимания магии, которая восполняет «опасные пробелы в знаниях и ограниченность возможностей в критической ситуации» [4, с. 379]. Так же как магия нужна, чтобы адаптировать природный мир под себя, подчинить его и «ритуализировать человеческий оптимизм, усиливать его веру в победу надежды над страхом», так и гипостазирование в качестве бессознательного процесса, имеющего филогенетическую природу, необходимо, чтобы приспособиться к реальности, сделать ее более вещественной, «удобной» для восприятия и потому подвластной осмыслению и реконструированию.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. — М. : Медиум, 1995. — 322 с.
2. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке. [Текст] / Э. Кассирер. — М. : Гардарика, 1998. — 784 с.
3. Карза-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С. Г. Карза-Мурза. — М. : Алгоритм, 2017. — 464 с.
4. Классики мирового религиоведения. Т. 2 [Текст] / Ю. В. Божко [и др.]. — М. : Канон-плюс, 1996. — 495 с.
5. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст] / Л. Леви-Брюль. — М. : Академический Проект, 2015. — 428 с.
6. Луценко, Е. В. Формирование субъективных (виртуальных) моделей физической и социальной реальности сознанием человека и неоправданное придание им онтологического статуса

(гипостазирование) [Текст] / Е. В. Луценко // Политематический сетевой электронный научный журнал кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 113. — С. 1-32.

7. Микешина, Л. А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации [Текст] / Л. А. Микешина // Вопросы философии. — 2010. — № 12. — С. 44-54.
8. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Текст] / К. Г. Юнг. — М. : Канон-плюс, 2019. — 336 с.
9. Юнг, К. Г. Психологические типы [Текст] / К. Г. Юнг. — Минск : Харвест, 2003. — 526 с.

Literature

1. Berger, P. Social'noe konstruirovanie real'nosti [Tekst] / P. Berger, T. Lukman. — M. : Medium, 1995. — 322 s.
2. Kassirer, E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. [Tekst] / E. Kassirer. — M. : Gardarika, 1998. — 784 s.
3. Karza-Murza, S. G. Manipulyaciya soznaniem [Tekst] / S. G. Karza-Murza. — M. : Algoritm, 2017. — 464 s.
4. Klassiki mirovogo religiovedeniya. T. 2 [Tekst] / U. V. Bozhko [i dr.]. — M. : Kanon-plyus, 1996. — 495 s.
5. Levi-Bryul, L. Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii [Tekst] / L. Levi-Bryul'. — M. : Akademicheskij Proekt, 2015. — 428 s.
6. Lucenko, E. V. Formirovanie sub"ektivnyh (virtual'nyh) modelej fizicheskoj i social'noj real'nosti soznaniem cheloveka i neopravdannoe pridanie im ontologicheskogo statusa (gipostazirovanie) [Tekst] / E. V. Lucenko // Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. — 2015. — № 113. — S. 1-32.
7. Mikeshina, L. A. Epistemologicheskoe opravdanie gipostazirovaniya i reifikacii [Tekst] / L. A. Mikeshina // Voprosy filosofii. — 2010. — № 12. — S. 44-54.

8. Jung, K. G. Arhetip i simvol [Tekst] / K. G. YUng. — M. : Kanon-plyus, 2019. — 336 s.
9. Jung, K. G. Psihologicheskie tipy [Tekst] / K. G. YUng. — Minsk : Harvest, 2003. — 526 s.